

Шаманский глаз и рука, водимая духом: визуальное и вербальное в визионерских практиках алтайцев*

*Доронин Дмитрий Юрьевич, асп., отдел Севера и Сибири,
ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва*

Современные шаманисты, (нео)бурханисты и христиане-евангелисты коренных тюркских народов Республики Алтай (алтайцы, теленгиты, тубалары, чалканцы, кумандинцы) используют техники, позволяющие, через обращение к духовной инстанции, получить некую ценность — помощь или новое знание. Адресат обращения шаманистов — духи-хозяева, духи предков, духи-помощники шамана, Алтай Кудай, Алтайдынг ээзи, Эрлик со свитой, родовые божества; в Белой вере (нео)бурханистов — духи-хозяева, Алтай-Кудай или Алтай-Быркан ('бог Алтая', главный дух-хозяин Алтая); христиан-евангелистов — Кудай ('Бог'), Иса ('Иисус'), Святой Дух.

Прагматика, тип коммуникативной ситуации задает облик духа и многообразие иницилируемых им явлений; на молениях и камланиях визуальные/вербальные/акциональные сообщения демонстрируют клиенту, пастве, общине на родовом обряде эффективность процесса и результата коммуникации. Наше исследование, на материалах экспедиций 2011–2012 гг., посвящено анализу визуального/вербального кода в таких коммуникативных техниках (для простоты назовем их визионерскими). Большинство этих техник наследуется из традиционных шаманских практик, но есть и новации: включение квазинаучного дискурса в объяснительные модели шаманов; переосмысление шаманских визионерских практик в протестантизме; феномен автописма во всех этих вероисповеданиях — «небесные секретари», визуализирующие коммуникативную ситуацию в форме символических картин, наставительных и молитвенных текстов, vyplненных шариковой ручкой или красками.

Мы отталкиваемся от уже существующих типологий камланий и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «(Нео)религиозная составляющая культурной идентичности малочисленных народов Российского Севера и Сибири» (проект № 13-01-00276).

визионеров. Типология камланий и нешаманских, мантических, магических, жертвенных практик, их синтагматика подробно рассмотрены на сибирском материале [Новик 2004: 54–58]. Сейчас на Алтае встречаются все четыре типа коммуникативных ситуаций (с разной степенью полноты синтагматической цепочки), предложенные в концепции этого автора. Яркий пример типа ІВ (исходная ситуация — нарушение людьми норм поведения по отношению к духам) — коллективное трехдневное камлание на Плоскогорье Укок (21–23.09.2012), проводимое с целью умилоствления духов-предков и возвращения души «укокской принцессы». Наиболее важные визуальные сообщения выполняли здесь диагностическую функцию: по огню, дыму, «поведению» жертвенной бараньей головы в костре определяли эффективность обряда — приняли или не приняли духи жертву.

Экстатичные коллективные моления и получение знаний через сон у алтайских христиан-евангелистов могут быть рассмотрены как разновидность ІВ-типа. Исходная ситуация — ценность во владении духов и недостача ее в мире людей — типична для христианства вообще, она может подкрепляться концепциями первородного греха, преображения, смерти «ветхого человека» (недостача ресурса) и рождением, через водное погружение во Христе (коммуникация с духовной инстанцией, дающей ценность — ресурс для жизни и знание). Этническая специфика содержится в прагматическом аспекте этой синтагматической схемы: кто, кому, как и зачем является. Алтайский евангелизм, подобно другим харизматическим церквям сибирских народов, этничен: Кудай открывает свою волю алтайскому народу, на его родном языке, используя традиционные для этого региона религиозные сюжеты и символы. В результате алтайский народ должен умножиться и возродиться в Боге во всем величии его языка и традиций. Вербально-акциональным маркером эффективности коммуникации в коллективных молениях евангелистов является глоссолалия (признак схождения в человека Духа); акциональным — последующее изменение образа жизни, привычек человека; визуальным, в представлении самих верующих, — преображение, изменение выражения его лица и глаз. Для алтайского евангелизма мы выделяем следующие типы визионеров: молитвенники (творцы общей экстатической

молитвы), ксеногlossы (говорящие на иных языках), экзорцисты, кайчы, сновидцы, көспөкчи (алт. ‘видящие духов’), а также, получающие откровение в повседневных ситуациях.

Визуальное и вербальное в типологиях визионерских техник

В народных типологиях визионеров и в выводимых на их основе этнографических типологиях [Вербицкий 1893: 45; Дьяконова 1976: 41–42; Усманова 1979: 181–184; Ревуненкова 1995: 91–97; Функ 1995: 21–37; Тюхтенева 2001: 93–96; Кастараков 2010: 11–17] тип визионера выделяется на основании используемой им техники. В научной литературе эти типы приводятся простым списком, либо авторы пытаются упорядочить их по силе или приносимому вреду/пользе. Если упорядочить типы по семиотическому принципу, становится ясно, что для большинства алтайских визионерских техник наиболее значим визуальный код (18 визуальных типов против 12 остальных). Визуально кодируется мифологическая коммуникация у следующих визионеров (7 типов): көспөкчи/көсмөкчи (алт. ‘ясновидец’, видящий духов и мертвых), көс көрөр кижы (алт. ‘видящий внезапно’), рымчы (алт. ‘видящий в припадке’), көрү түш көрөр (‘видящий вещие сны’, ясносновидец, в т.ч. практикующий ритуальный сон для связи умерших с живыми), арчын көрөр (алт. ‘смотрящий арчын’), кол көрөчү (алт. ‘смотрящий руку’), кара көстү (алт. ‘имеющий черный глаз’).

Ряд визионерских техник (еще 11 типов визионеров) кодируются смешанным типом сообщений (визуально-акциональные, предметно-визуальные), но и здесь визуальному коду принадлежит ведущая роль в фиксации и интерпретации значения происходящего: жарынчы (алт. ‘смотрящий баранью лопатку’), көзөр салар кижы (алт. ‘смотрящий карты’), куманакчы (алт. ‘смотрящий куманак’), аяк таштаачы (алт. ‘гадатель по чаше’), гадатели по маленькому луку, ножу, плетке-камчы, иголке, а также: ак сагышту кижы (алт. ‘белых мыслей человек’, человек, несущий благо), кара сагышту кижы (алт. ‘черных мыслей человек’, человек, несущий зло), в этих категориях сама мысль визуализирована как черная или белая. К визионерской технике визуально-вербального типа относится не описанный еще в научных типологиях, но весьма распространенный на Алтае бичикчи (‘небесный секретарь’, алт. ‘писец’ — явление автописма).

Вербальный код определяет только 6 типов: чымырчы (алт. 'шептун', заклинатель, экзорцист), эмчы-томчы (алт. 'лечащий при помощи слов и прикосновения рук'), кайчы (алт. 'лечащий каем'), алкышчы (алт. говорящий благопожелания, обращения духам и богествам), каргышчы (алт. 'говорящий проклятия'), кара тилдү (алт. 'имеющий черный язык'). Акциональный код — 5 типов: таармачы / тармычы, ильбичи (алт. 'колдун', 'несущий порчу'), аржанга улус башкарар (алт. 'водящие на аржан'), кам (алт. 'шаман'), эмчы (алт. 'лекарь', разные виды). Звуковой код — 1 тип визионера: угаачы (алт. 'слушащий').

Активность сторон коммуникации: специфика визуальных/вербальных сообщений

Специфика визуальных сообщений в техниках разных визионерских типов определяется также тем, какая из сторон начинает коммуникацию. В ряде ситуаций визионер пассивен, а визуальные сообщения генерируются/транслируются духом визионеру как реципиенту или через него. Таким ситуациям соответствуют техники көспөкчи, көс көрөр кижы, рымчы, көрү түш көрөр (но не практикующий ритуальный сон), бичикчи, угаачы. Далее, в процессе и результате коммуникации возможно несколько вариантов продолжения сценария:

а) визионер пассивно транслирует сообщения в мир людей (например, пассивно вербализует, просто описывая увиденное или услышанное);

б) не транслирует вовсе (например, ситуация, когда көспөкчи видит духов или отошедшую от человека душу, но не выдает свою способность другим людям);

с) человек пассивен, однако дух визуализует активную реакцию визионера (говорение на «иных языках», спонтанная проповедь, «шаманская болезнь», припадки у рымчы, автописьмо у бичикчи);

д) визионер активно преобразует сообщение: записывая, зарисовывая (кам, бичикчи), исполняя каем или проповедью (жрец-жарлыкчы в Белой вере, проповедник со способностями көспөкчи/угаачы в евангелизме). Визуальные сообщения таких ситуаций преподносятся визионерами как знаки духов для людей. Например, воля Алтай-Кудая в поэтических и прозаических «диктовках» бичикчи.

Во втором типе ситуаций обе стороны коммуникации относи-

тельно пассивны. Например, көспөкчи, видит духов, не имея специальной цели/активной интенции к этому, а вынужденно, по причине наследственной способности к визионерству. Духи же в ситуации такого типа также не имеют цели что-то сообщить визионеру, человек просто видит их «повседневную деятельность». Визуальные сообщения этих ситуаций впоследствии могут рассказываться или зарисовываться и носят характер окказиональных наблюдений.

Третий тип ситуаций запускается активностью визионера и предполагает как активность стороны духов, так и активную обработку сообщений визионером. Сюда относятся: камлания камов, экзорцизм чымырчы, жреческие техники јарлыкчы, мантические техники, техники ритуального сна у көрү тўш көрөр кижы, колдовство таармачы и ильбичи. Визуальные сообщения здесь двух типов: во-первых, целевые сообщения людей к духам (например, символика цвета, предметных деталей и изображений в шаманском костюме и на бубне как визуальные сигналы духам). Во-вторых, это визуальные сообщения, которые истолковываются как ответные послания духов, например: проступающий рисунок на бараньей лопатке, образы сновидения, особенности дыма жертвенных костров, завязывающиеся ленточки на орбо ('шаманская колотушка').

Коммуникативные ситуации четвертого типа создаются техниками визионеров при пассивном участии стороны духов. Присутствие духов подразумевается, и это создает авторитет сообщениям визионера. Примеры: техники кайчы, алкышчы, каргышчы. Эти специалисты просто продуцируют и транслируют информацию (эпические тексты, благословения, проклятия), которая, согласно актуальным верованиям, не может создаваться без участия духов, активного действия которых, однако, не проявляется. К этому же типу можно отнести сообщения визионеров, которые продуцируются ими спонтанно, по причине наследственной способности последних. Активности духов при этом также нет, однако же есть активное воздействие (чаще всего негативное) визуальных сообщений визионеров: «черный взгляд» у кара көстү, «черные слова» у кара тилдү, благо — от ак сагышту кижы и зло — от кара сагышту кижы.

Визуальные сообщения в алтайских визионерских техниках относятся к двум основным группам: визуальные сообщения людей ду-

хам и визуальные сообщения духов людям. Кроме того, есть еще две группы: визуальные сообщения визионера к людям и, реже, сообщения автовизуализации (сообщения визионера для самого себя). Существуют ключевые визуальные маркеры, с помощью которых осуществляется коммуникация во всех типах сообщений, например: белый конь/всадник, глаза, можжевельник-арчын.

Литература

Вербицкий 1893 — *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. М., 1893.

Дьяконова 1976 — *Дьяконова В.П.* К вопросу о различных категориях служителей культов у народов Саяно-Алтая // Этнические и историко-культурные связи народов СССР: Тез. докл. Алма-Ата, 1976. С. 48–69.

Кастараков 2010 — *Кастараков М.В.* Белые кони духов. Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2010.

Новик 2004 — *Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: Вост. лит., 2004.

Ревуненкова 1995 — *Ревуненкова Е.В.* Заметки о современной терминологии, связанной с шаманизмом, у теленгитов // Шаманизм и ранние религиозные представления. К 90-летию д. и. н., проф. Л.П. Потапова. М., 1995. С. 88–98.

Тюхтенева 2001 — *Тюхтенева С.П.* «Неошаманство» на Алтае в 1980–1990-х гг.: ясновидение и сновидение в практике шаманствующих // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: Материалы международного конгресса, посвященного памяти А.В. Анохина, Н.П. Дыренковой, С.М. Широкогорова. М.: Издание ИЭА РАН, 2001. С. 92–99.

Усманова 1979 — *Усманова М.С.* О категории шаманов и шаманствующих лиц у хакасов // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тезисы докладов областной конференции. Омск: Издание ОмГУ, 1979. С. 181–184.

Функ 1995 — *Функ Д.А.* Бытовой шаманский фольклор телеутов: 1. Новые записки // Народы Сибири (Сибирский этнографический сборник, 7). М., 1995. С. 21–37.

The shaman's eye and the hand led by the spirit: visual and verbal visionary practices in Altai

*Dmitry Doronin, Institute of Ethnology
and Anthropology RAS, Moscow, Russia*

This paper is based on the materials collected in the field work in the Republic of Altai among indigenous non-Muslim Turkic peoples (Altai, Telengits, Tubalar, Kumandin, Chelkans).

The paper analyses the various scenarios of interaction between man and the spirits of the ritual, magic and mantic practices in modern shamans and (neo)burkhanists. View traditional typology of "knowledgeable people", examines the value of visual markers in narratives. Key visual markers and techniques are common for the different actual visionary practices. For example, a visionary experience in the Altai Protestantism (community Pentecostalism) is largely based on traditional shamanistic beliefs about spirits and communicate with them. In the early twentieth century, the demarcation of religious practices (shamanism, Burkhanism, Buddhism, Christianity) was performed through visual markers now demarcation occurs most often through different interpretations of common images.

The article also discusses how the shamans themselves and other "knowledgeable people" to explain their ability to see and visualise spirits.